

Если бы события развивались по изначальному сценарию, жизнь Преемника после глобальной аномальной трансформации строилась бы строго по порядку: череда знакомств с Двенадцатью Звериными Посланниками — Ушу, Ариэксом, Паньцзяо, Сычэнем, Шоуе...

Продвигаясь одновременно по пути Последователя и Генетического резонанса, он бы стремительно набирал силу от испытания к испытанию. Эволюционные способности сплотили бы вокруг него могучих соратников, а регулярные столкновения с высокоранговой мистикой стали бы суровой, кровавой закалкой.

Затем, при каком-нибудь незначительном происшествии, появился бы Линьхуа, чтобы развеять сомнения юноши и направить его дальше.

Что до Сигуана, наделённого даром прозревать грядущее, тот возник бы на сцене куда позже — перед самой развязкой, чтобы своим пророчеством уберечь Преемника от смертельного риска при укрощении дракона.

Однако такова была судьба гипотетического Преемника, но никак не Цзян Фэя.

Едва в нём пробудилась сила, тысячи лет мировой истории сдвинулись с мёртвой точки, неудержимо устремляясь к хаотичному, непредсказуемому будущему.

В зеркальном пространстве царил полумрак. Мощный драконий хвост кольцами сжимался вокруг, отчего в и без того тесном прибежище становилось совсем тяжело дышать. Впрочем, Цзян Фэю было не до того.

Врастая в ледяные объятия, он чувствовал, как всё его тело охватывает всепоглощающий жар.

Драконий хвост мерно покачивался. С каждым движением сплетались генетические коды — связь куда более глубокая и интимная, чем любой поцелуй. В глубине сознания Цзян Фэя из разрозненных осколков постепенно складывалась целостная картина.

После Сычэня и Шоуе оставалось лишь два пространства интеграции: свинья, бык и обезьяна с горы Лутай, а за ними — финальный рубеж, тигриное логово и драконий омут, преодолеть которые требовалось во что бы то ни стало.

Вот только главный босс этой финальной локации — Золотой Дракон, о котором твердил Линьхуа, — давным-давно покинул отведённую ему клетку. И теперь он сжимал в объятиях своего наречённого «драконоборца».

Если уж разбираться, Цзян Фэй сам спровоцировал эту бурю. Но он и помыслить не мог, что всё развернётся столь стремительно. Он даже не успел ни продолжить дразнить противника,

ни воспротивиться: давящая мощь Аномалии SSS-ранга мгновенно лишила его рассудка, и Фу Сяо просто сгрёб его в охапку.

Начиналось всё с нежных, осторожных поцелуев, но виновник происходящего быстро пресытился робкими прикосновениями. Не осталось ни сомнений, ни жалости, ни желания отступить.

Поцелуи сменились безудержной страстью, завершившейся сокрушительным, глубоким проникновением. Вещие сны наконец окончательно воплотились в реальность.

Цзян Фэй нахмурился: сперва не было ничего, кроме боли. Голос рвался от неистовых толчков, и в этой ослепительной вспышке чувств в голове мелькнула совершенно некстати дикая мысль.

— Не... так.

Сон — это, конечно, не явь, но тогда Цзян Фэй чувствовал лишь неопишное блаженство, а вовсе не эту... не эту безумную муку...

Он попытался упереться руками в плечи Фу Сяо, но силы покинули его, и слабое движение вышло не столько отталкивающим, сколько ласковым, точно бессильное касание кошачьей лапки.

Уткнувшись подбородком в плечо Фу Сяо, Цзян Фэй дрожал: под длинными пальцами, поглаживавшими его спину, к коже подступали крупные мурашки.

Преподобный осквернился и пал, но даже осквернённое божеству было трудно смириться с тем, что первым же словом, услышанным в этот момент, стало ожесточённое «не так».

Что именно не так?!

Припав губами к уголку рта Цзян Фэя, Фу Сяо не сбавил бешеный темп.

"Поздно".

Раз уж сорвались в эту пропасть, пути назад не было ни для кого.

Разумеется, Цзян Фэй и не думал отвергать его. С тех самых пор, как Фу Сяо подталкивал его к собственному убийству, Цзян Фэй ясно сознавал: добраться до скрытых нитей судьбы можно только через этого падшего владыку.

Выпытать секреты у окончательно осквернённого Преподобного — задача не из лёгких.

Нынешняя буря страсти была именно тем, чего Цзян Фэй добивался.

Он влюбился в Фу Сяо с первого взгляда, а затем прошёл тем же путём, видя всё самое светлое и благородное, что было в этом существе. Разве мог он смириться с предначертанной гибелью? Он не позволит Фу Сяо умереть. И запечатать его не позволит.

Но одного этого мало.

— Преподобный... — прошептал Цзян Фэй. — Помнишь кроличьи ушки из моего первого сна? Хочу их.

Он жаждал глубокого генетического слияния — а с ним и сокровенных тайн этого мира.

Фу Сяо на миг замер, но тут же, не дав Цзян Фэю перевести дыхание, возобновил напор с удвоенной яростью.

В порыве безумной нежности он целовал глаза и брови юноши. Фу Сяо стал осквернённой аномалией, и пусть он прекрасно понимал, что партнёр преследует свои цели и ищет ответы, он с готовностью потакал порочным порывам, пожирая любимого без остатка.

А ведь изначально он лишь хотел взглянуть на него хоть одним глазком...

Что же касается генетического слияния, о котором просил Цзян Фэй, то здесь Фу Сяо проявил непреклонную скупость.

Пусть изначальный план дал сбой, этот путь оставался для Цзян Фэя единственно верным. Убийство ли, заточение — любой из вариантов был лучшим исходом. Фу Сяо всё решил заранее, и это единственное обещание, которое осквернённый владыка всё ещё был способен сдержать.

Строивший грандиозные замыслы Цзян Фэй после первого же поражения остался лишь с разбитым, ноющим телом. Кто бы мог подумать, что навык ускоренного восстановления «Долголетие: Дыхание жизни», полученный от Ариэкса, сослужит ему службу именно в такой пикантной ситуации.

Фу Сяо бережно баюкал его на руках. Плавниковые ленты на драконьем хвосте мерно покачивались, выдавая редкую благодушно-довольную настроенность хозяина. Тот был явно в восторге от произошедшего — и от того, как неутомимо действовал, вопреки любым мольбам и уговорам Цзян Фэя.

Даром что высокоуровневый Медиум — Цзян Фэй всё равно оставался человеком, и ему потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя.

На плечи легло нежное шёлковое полотно. Повернув голову, Цзян Фэй узнал алое сяпэй — то самое нарядное облачение, в котором Фу Сяо предстал перед ним при первой встрече.

Алый наряд укрывал оба тела, а из-под расшитой полы уходила вглубь длинная, мощная чёрная змеиная чешуя. Одного беглого взгляда на эту массивную плоть хватило, чтобы сердце Цзян Фэя затрепетало.

Первая же вспышка симпатии, каждый последующий прикованный взгляд — всё произрастало из той глубокой, неконтролируемой любви.

Затея с генетическим слиянием провалилась, но Цзян Фэй не думал унывать. Поудобнее устроившись на груди Фу Сяо, он не упускал ни единого шанса вывести хоть что-нибудь.

— Преподобный... Разве разрушить духовный исток действительно невозможно?

Мерно покачивавшийся хвост замер. Ничего не заметивший Цзян Фэй продолжил:

— Когда вы говорили «не выйдет», что именно вы имели в виду?

Линьхуа упоминал, что Фу Сяо не один раз пытался разбивать свой духовный исток, но всякий раз безуспешно. Цзян Фэю непременно нужно было уразуметь причину этих неудач.

Бедро упёрлось во что-то твёрдое и выпуклое. Цзян Фэй решил, будто это жемчуг или драгоценная подвеска на сяпэй давит ему на ногу.

Нащупав предмет пальцами, Цзян Фэй ощутил ледяную гладь чешуи. И осознание накрыло его с головой.

— Ах... оказывается, вполне даже выйдет.

Стараниями Цзян Фэя у осквернённого Преподобного выработалась стойкая аллергия на слова о мужской неспособности.

В следующее мгновение Цзян Фэй оказался опрокинут на целую гору золота.

Они покинули зеркальный мир. Вокруг возвышались золотые россыпи — те самые, на которых дремал Золотой Дракон при первой их встрече. Хвост несколько раз мощно ударил по монетам, и те с оглушительным звоном посыпались вниз, обнажая роскошное ложе, сотканное из

золотых нитей.

Алое сяпэй упало на постель, а поверх шелков опустился сам Цзян Фэй. Белоснежная кожа ярко выделялась на фоне золота и пурпура. Глаза Фу Сяо вспыхнули чистым золотом, а зрачки сузились в узкие, опасные щели.

Сам накликавший на себя беду Цзян Фэй попытался судить об аномалии мерками обычного человека:

— Мой Преподобный... неужели при первой нашей встрече вы уже мечтали уложить меня на эту кровать?

Тогда, в Пещере Алчности, Золотой Дракон перед уходом одарил его весьма странным взглядом, а его хвостовой плавник нервно дёргался. Теперь-то становилось ясно, какой подтекст таился в том жесте...

Вслед за золотом в глазах чешуя на чёрном змеином хвосте Фу Сяо прямо на глазах налилась ослепительным сиянием.

Золотые волосы, золотые очи, драгоценный сияющий хвост... Глаза Цзян Фэя вспыхнули, и он мгновенно позабыл обо всех тревогах и вопросах.

Неземная красота поистине губительна!

Фу Сяо склонился над ним, плавно изгибая торс.

"Разрушенный духовный исток собирается вновь".

Каждый раз, когда исток рушится, наружу выплёскивается колоссальный поток духовной энергии — именно такое состояние заклинатели называют расцветом сил. Фу Сяо разрушал его снова и снова, но исток неумолимо восстанавливался, пока дракон окончательно не бросил эти попытки.

Впрочем, Цзян Фэй уже потерял интерес к этой теме.

— Преподобный, а во что-нибудь ещё вы умеете превращаться?

"Чего бы тебе хотелось?"

Драконы несут в себе генетический код всех живых существ. Сие было и великим благословением, и тяжким проклятием.

Фу Сяо ненавидел собственную природу, но, видя искренний восторг в глазах юноши, ощутил, как давняя боль постепенно отступает. Если все прошлые муки были лишь прелюдией к этой минуте, то даже у самой горестной судьбы появлялся сладкий привкус.

— А если бы вы стали сороконожкой, у вас бы уходило полчаса только на то, чтобы обуться перед выходом?

"Нет", — сурово отрезал Фу Сяо. — *"Хватит расспросов".*

Но Цзян Фэй уже вошёл во вкус:

— А золото настоящее?

Не понимая, к чему разговор, Преподобный кивнул.

— Ого! — Цзян Фэй прикрыл рот ладонью. — Да вы богач, Преподобный! После аномальной трансформации цены на золото взлетели до небес!

Фу Сяо лишь промолчал.

— А ещё... — вознамерился спросить Цзян Фэй, но Фу Сяо заткнул ему рот поцелуем.

Одного этого восхищённого взгляда было вполне достаточно — ничего дельного юноша всё равно бы не сказал.

Осквернённая аномалия окончательно отказалась от душевных бесед с человеческим храбрецом. Лишь плотские утехы — вот истинный путь.

Золотой Дракон подался ниже, положив начало новому кругу безумной страсти.

В буйстве золотых и алых красок хрупкое человеческое тело оказалось крепко зажато в живых тисках. Лишь изредка сквозь тихий стон доносились сбивчивые просьбы: «Неужели ты не хочешь завладеть мною без остатка?» или «Так ты даже не сможешь оставить след в моих генах...» Ответ заменяли лишь всё более неистовые, сокрушительные движения.

Поняв, что духовного слияния ему снова не видать, Цзян Фэй с лукавым умыслом скользнул пальцами ниже, в складки у основания чешуи, однако наткнулся на нечто весьма упругое и осязаемое.

Глаза Цзян Фэя округлились, будто он узрел нечто невообразимое.

Как он мог забыть?! Ведь основой этого хвоста изначально служила змея! А у змей... их ведь два!

Дракон долго сдерживал себя, но коль скоро его так бесстыдно спровоцировали, прятаться больше не имело смысла. Аномалии по своей природе предпочитали брать от жизни всё здесь и сейчас.

"К счастью для тебя, ты уже входил в резонанс с Ариэксом".

Великая миссия по спасению мира с лёгкой руки главного злодея превратилась в весьма пикантную привилегию.

Цзян Фэй глубоко перевёл дыхание и, проявив недюжинную стойкость, упрямо предложил:

— Давай сливай свои гены с моими! Опробуешь заодно и мой хвост, а?

"Не выйдет", — уголки губ Преподобного впервые тронула лёгкая усмешка. Он не поддался на уловку. Припав к самому уху юноши, он тихо прошептал: *"Мой Фэй-Фэй и впрямь способен вместить в себя всё что угодно..."*

Цзян Фэй вспыхнул до корней волос и вновь безвольно канул в пучину невыразимой, граничащей с болью истомы.

Перед глазами вспыхнула ослепительная белая пелена.

Цзян Фэй снова погрузился в сон, перенёсший его в непроглядную чашу Иллюзорного Царства Бессмертной Судьбы.

Из густых дебрей выходил Фу Сяо — ещё на человеческих ногах, сплошь покрытый тёмно-зелёными подтёками осквернённой крови и рваными ранами. Выглядел он невероятно измождённым и терзаемым болью.

Но в поднятой правой руке он сжимал предмет, которого Паньцзяо никогда прежде не видывал — белоснежную духовную жемчужину.

В глубине жемчужины плавно кружились светящиеся белые искорки. И Цзян Фэй отчётливо услышал тихий голос Фу Сяо:

— Созидание.

<http://bllate.org/book/19820/1992647>